

эмоции связаны с миграционным опытом? Какие контексты миграционного опыта вызывают положительные, а какие отрицательные эмоции? Какую роль эмоциональные переживания играют не только в жизни мигрантов, но и в жизни их семей на родине и т.п.?

В качестве теоретико-методологической перспективы предлагается исходить из социологии эмоций, относительно молодой для российской, но уже институционализированной в западной социологии поддисциплины (Симонова, 2016). Одна из её принципиальных установок состоит в том, что в любых социальных взаимодействиях индивидов есть определенные эмоции, которые порождаются социальными условиями и контекстами, в то же время эмоции сами обуславливают какие-то социальные процессы. В качестве эмпирической базы привлекаются материалы (транскрипты интервью) проекта «Транснациональные и транслокальные аспекты миграции в России», который содержит сравнительное изучение трудовых мигрантов и их семей как в России, так и в странах Средней Азии (грант РНФ №14-18-02149).

Литература

1. *Levitt P.* The Transnational villager. University of California Press, 2001.
2. *Levitt P., Sanjeev K.* Constructing Transnational Studies. Introductory in The Transnational Studies Reader. New York: Routledge Press, 2007.
3. *Симонова О.А.* Базовые принципы социологии эмоций // Вестник СПбГУ. Сер. 12. Социология. 2016. № 4. С. 12–27.
4. *Тернер В.* Символ и ритуал. М.: Наука, 1983.

Ф. А. Сметанин
(Томск, Россия)

Социальный капитал мечетей в контексте развития «мигрантских» сетей (на примере Томска)¹

В Томской области на сегодняшний день ислам представлен различными этническими группами. Старейшей из них и одной из са-

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РНФ в рамках научного проекта № 18-18-00293 «Использование и создание мигрантами городской инфраструктуры сибирских региональных столиц».

мых влиятельных в политическом пространстве являются татары (томские коренные и пришлые). Кроме того, в области постоянно проживают народы, у которых традиционной религией является ислам: таджики, узбеки, киргизы, казахи и т.д. (Нам, 2000). В связи с тем, что численность мусульман постоянно растет, повышается необходимость в создании условий для выполнения религиозных обрядов и обслуживания религиозных и социальных потребностей у самих мусульман. При этом возникают проблемы: возрастает напряженность в обществе и вероятность появления конфликтов на межрелигиозной или межэтнической почве. Ситуация усугубляется тем, что исторически в России образовалось большое количество муфтиятов, которые конкурируют между собой за административный и человеческий ресурс. В данном исследовании показан процесс формирования общин вокруг мечетей и образования «мигрантских» сетей мусульманской общины Томска. Мечеть служит для направления следования верующего по пути связей с другими мусульманскими сообществами. Есть акторы, которые значительно влияют на весь исламский мир. «Мусульманские сети» – ключевой термин с двумя частями. «Сети» относятся к явлениям, сходным с институционализированными социальными отношениями. «Мусульманин ориентирован не только на веру, но и на социальный мир, в котором мусульмане не всегда доминируют. И сетевое влияние ислама, и влияние мусульманской сети на мировую историю является ключевым» (Hoexter, Eisenstadt, Levtzion, 2002: 15).

Еще одним из главных акторов является всемирная сеть Интернет. Интернет меняет лицо мусульманских сетей. Менее чем за два десятилетия многократно выросло представление в интернет-пространстве мусульманского мира, мусульманских интересов и духовных и социальных проектов. Теперь можно найти всевозможное организованное выражение мнений, их оттенки и позиции по предметам, как богословским, так и прагматичным. Первоначальные смыслы искажаются, но не только в пользу распространения сообщений. Это обусловлено характером среды, режимами доступа и производства, а также ее расположением в транснациональном социальном аспекте по сравнению с другими факторами. В результате образования мусульманских сетей началось активное вовлечение молодых мусульман, а также заинтересованных в образовании граждан с целью познать ислам.

Литература

1. Hoexter M., Eisenstadt S., Levtzion N. (eds.) The public sphere of Muslim's society. State University of New York press, Albany, 2002.

2. Нам И.В. У мусульман // Сеть этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов. 2000. № 33. С. 33–36.

А. Ш. Тузова

(Санкт-Петербург, Россия)

«Чтобы не забывать свои корни...» – символический транснационализм в биографиях второго поколения вьетнамцев в России

В исследованиях детей иммигрантов ключевое место занимают темы ассимиляции, и вопрос, насколько здесь применима концепция транснационализма, подразумевающая сохранение и поддержание связей и множественной вовлечённости в общества происхождения и приезда (Basch, Glick Schiller, Blanc-Szanton, 1994), остаётся дискуссионным. С целью охватить и постичь транснациональную вовлечённость «второго поколения» иммигрантов исследователи обратились к понятиям «символический» и «эмоциональный» транснационализм. Первый включает воображаемые визиты во Вьетнам, изучение культуры и изобретение вьетнамскости, где родина родителей не только физическое место, но и представление, ориентир и мечта, конструируемые через воображение и работу памяти (Espiritu, Tran, 2002). Последний подразумевает, что одновременно существующие множественные понятия и дискурсы и часто конкурирующие идеологии заставляют детей иммигрантов вести транснациональную жизнь на уровне эмоций и моральных практик (Wolf, 2002).

Доклад представляет собой часть исследования, посвященного самоидентификации «второго поколения», взрослых детей из вьетнамских и смешанных русско-вьетнамских семей (16–35 лет). Жизненные пути, карьерные ожидания, брачные планы и мобильность детей вьетнамцев находятся под влиянием практик транснационализма, осуществляемых ими, или в которые они оказываются вовлечены. Это не обязательно физические перемещения на родину родителей или поддерживаемые отношения с вьетнамцами, но и практи-